

Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Павиленис Р. О смысле и тождестве // Вопросы философии. 2006. № 7.

Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проспект, 2004.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. N. Y.: Basic Books, 1999.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978.

Н. А. Беседина

(Белгородский государственный университет)

ЯЗЫКОВОЕ ЗНАНИЕ И МОРФОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье анализируются проблемы языкового знания и выявляется роль морфологии в его репрезентации.

The article deals with some aspects of linguistic knowledge and role of morphology in its representation.

Современная лингвистика характеризуется особым интересом к проблемам отражения знаний в языке. Это связано с активным развитием когнитивно-ориентированных исследований, в основе которых лежит понимание языка как средства получения, организации, хранения и передачи знания. В соответствии с ним система языка рассматривается как «проекция познанного человеком, как рефлекс его размышлений о мире и языке, как совокупность средств, служащих описанию всего этого» [Кубрякова 2004: 22]. Как следствие, когнитивные исследования в лингвистике нацелены на изучение «соотношения языковых форм с их когнитивными аналогами и прежде всего – с определенными структурами знания определенных форматов» [Кубрякова 2004: 13].

В контексте этого исследуются, с одной стороны, разные способы языковой репрезентации знаний: вторичная репрезентация [Бабина 2003], синтаксическая репрезентация [Фурс 2004] и способы преломления знаний об онтологии мира, например, в словообразовательных категориях [Полюжин 1993; Позднякова 1999] и отглагольных номинализациях [Ирисханова 2004], а с другой стороны – изучаются особенности отдельных типов знания: диалектного [Болдырев, Куликов 2006], гендерного [Гриценко 2005; Серова 2006], научного [Чернявская 2005], знания оценочного характера [Болдырев 2002], и разрабатываются различные аспекты их языкового представления (см., например: [Перевозова 2004; Гаврилова 2005]).

Результаты перечисленных и других исследований в этой области убедительно свидетельствуют о том, что язык существует не сам по себе. Язык, по утверждению Дж. Лакоффа, базируется на познании, его структура использует те же самые механизмы, которые используются для структурирования когнитивных моделей [Лакофф 2004: 379]. Он необходим для того, чтобы отражать, членить знания и осуществлять их передачу в процессе коммуникации. Е. С. Кубрякова в своей фундаментальной работе, которая так и называется «Язык и знание», особо подчеркивает тот факт, что «язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием. Каждая языковая единица и особенно каждая языковая категория, может рассматриваться как проявление указанных выше когнитивных процессов и в качестве специфических их результатов» [Кубрякова 2004: 57]. Поэтому мы опираемся на языковые формы, когда делаем выводы относительно структур знания, которые за ними стоят. Р. И. Павиленис отмечает, что «мы не располагаем другим, кроме языка, средством объяснения нашего познания и понимания мира» [Павиленис 1983: 113]. В свою очередь и это представляется не менее важным, мы понимаем язык благодаря опоре на наши знания. Как заметил Н. Н. Болдырев, только обращаясь к разным форматам знания, способам организации этих знаний, мы можем понять и объяснить использование языка [Болдырев 2000].

Знания человека – это совокупность сведений о мире, которые он получает различными путями: через восприятие мира, в результате предметно-познавательной и практической деятельности, а также в процессе научно-теоретического познания мира и обучения. Вряд ли можно отрицать тот факт, что подавляющая масса знаний приходит к человеку через язык. Познавая мир, человек знакомится в том числе и с описанием закономерностей мира в учебниках, словарях, справочниках, научной и художественной литературе. Знание о мире – это зна-

ние о разных объектах мира (подр. см. [Кубрякова 2004: 10 и сл.], что предполагает возможность выделения различных его типов. Например, разграничивают знания по предметной отнесенности и способу представления. В первом случае речь идет о дифференциации знаний о мире (энциклопедических знаний) и знаний языковых, знаний обыденных и научных и т. д. В соответствии со способом представления знание может быть невербализованным и вербализованным, т. е. представленным с помощью языковых средств различных уровней. К числу дискуссионных в лингвистике относится проблема языкового знания. Именно языковому знанию и особенностям его репрезентации посвящена настоящая статья.

Как известно, на существование языкового знания как особого типа указывал еще Б. де Куртенэ. Он, в частности, писал: «Мы вправе принять третье знание, знание языковое рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79]. Уточним, как соотносятся между собой знание о мире и языковое знание, поскольку этот вопрос пока не имеет однозначной интерпретации. Обозначенная проблема в последнее время активно обсуждается представителями разных наук, придерживающихся различных позиций и теоретических установок (подр. см., например, [Залевская 2005: 223 и сл.]).

В американской версии когнитивной лингвистики эти два типа знаний практически не разграничиваются. Так, например, Р. Ленекер указывает на иллюзорность разницы между лингвистическим и экстралингвистическим знанием. По его мнению, это проистекает из того, что ни язык в целом, ни семантика в отдельности не являются автономной системой или отдельным модулем, который может быть охарактеризован отдельно от других аспектов когниции [Langacker 1990: 35].

Отечественные лингвисты, работающие в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, отмечая неоднозначность проблемы разграничения языкового и энциклопедического знаний, исходят из признания их сложного взаимодействия. Такое понимание основывается на том, что языковые единицы не могут функционировать автономно от других аспектов деятельности человеческого разума, так как язык и мышление рассматриваются как производные предметно-практической познавательной деятельности человека. Комментируя проблему соотношения различных типов знания, Е. С. Кубрякова исходит из уже упомянутого выше факта о том, что знание о мире – это знание о разных объектах («объектное знание»), одним из которых является язык [Кубрякова 2004: 10]. В качестве такового он одновременно отражает знания о мире, знания о самом языке и знания о том, как язык отражает

все эти знания. Поэтому знание о языке входит составной частью в знание о мире [Кубрякова 2004: 10]. В свою очередь, «знания о мире опосредованы знаниями о языке, «пропущены» через языковые формы, структуры хранения того или иного типа знания проявляют значительные черты сходства и т. д.» [Кубрякова 1992: 24]. Аналогичной точки зрения придерживался С. Д. Кацнельсон, определявший языковые знания как знания о мире, обусловленные языком [Кацнельсон 2002: 131]. На обусловленность знаний о мире языковыми знаниями обращает внимание также Р. М. Фрумкина, отмечая, что «фундаментальной частью наших знаний о мире являются представления об отношениях между концептами – об их сходствах и различиях, об их «горизонтальных» и «вертикальных» связях, об отношениях «класс-член класса», «часть-целое» и т. п. Эти представления в норме фиксируются через язык. Язык их фиксирует и транслирует, отражая динамику нашего познания» [Фрумкина 1992: 7].

По мнению А. А. Залевской, языковые знания существуют только в контексте многообразного опыта индивида, формируемого через личностное преломление-переживание, но под контролем сложившихся в социуме норм и оценок [Залевская 2005: 196]. Поэтому «языковые знания оказываются «пустыми» без знаний о мире» [Залевская 1999: 166]. Подтверждением тому служат, как считает автор, случаи «замкнутого круга» в словарных дефинициях. Стало быть, заключает А. А. Залевская, эти виды знания функционируют по принципу взаимодополнительности [Залевская 1999: 166-167].

Тесная взаимосвязь двух типов знания не означает, однако, их отождествления и предполагает одновременно их дифференциацию. Рассматривая эту проблему, Н. Н. Болдырев приходит к выводу о том, что понять различную природу энциклопедических (знаний о мире) и языковых знаний позволяет существование двух аспектов языка: онтологического и гносеологического [Болдырев 2006: 10]. Исходя из задач настоящей статьи обратимся прежде всего к особенностям языкового знания.

Как известно, специфическое видение мира, присущее тому или иному языковому коллективу, отражается в способе организации лексики и наборе грамматических категорий того или иного языка. Например, наличие в языковой системе категорий единственного и множественного числа или же единственного, множественного и двойственного числа, а также существование настоящего, прошедшего, будущего или же прошедшего и настоящего-будущего свидетельствует о различиях в членении количественного и временного континуума. Более того, инвентарь самих грамматических, и прежде всего морфоло-

гических, категорий может заметно варьироваться от языка к языку. Так, например, в морфологии русского и немецкого языков имеется категория рода, в то время как в английском языке она была утрачена в ходе исторического развития.

Как считает В. Б. Касевич, языковое знание – «суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, т. е. в его словаре и грамматике» [Фрумкина и др. 1990: 99]. Как следствие, языковое знание в общем виде – это знание об устройстве системы языка, о закономерностях его развития и современного состояния, о его единицах, категориях и функциях [Кубрякова 2004]. Оно включает значения слов, их лексико-семантические и лексико-синтаксические характеристики, значение морфологических форм и знание схем связывания слов в конструкцию [Фурс 2004]. Иными словами, это знание языковых значений форм и категорий [Болдырев 2000: 56]. Оно ограничено рамками системы того или иного языка, которая в каждый конкретный момент представляет собой относительно стабильную систему. Вследствие этого языковое знание оказывается более стабильным и представляет собой в большей степени закрытую систему.

Сказанное выше позволяет заключить, что языковое знание – это не просто и не только знание об организации системы языка, а также знание языковых значений, форм и категорий, но и знание о мире, как оно концептуализировано языком (подр. см. [Беседина 2006]). Языковое знание помогает нам определенным образом структурировать знание о мире, что находит свое проявление в существовании различных способов языковой репрезентации.

Знание о мире отражается непосредственно в лексической системе языка и прежде всего в лексических значениях, которые, как считает Н. Н. Болдырев, «отражают онтологию мира и результаты его познания: знания конкретных предметов и явлений, их характеристик и категорий. Иными словами, лексические значения и основанные на них тематические группировки слов ... отражают представления об естественных объектах и категориях» [Болдырев 2006: 10].

Взаимодействие энциклопедического и языкового знания в наиболее явном виде проявляется на синтаксическом уровне. Именно этот момент и определяет специфику такого типа представления знаний, как синтаксическая репрезентация. Синтаксическая конструкция репрезентирует своей «глагольно-актантной структурой языковые знания, указывая одновременно посредством обобщенного смысла пропозиции и на структуры неязыкового знания» [Фурс 2004: 7], таким обра-

зом представляя некоторое «концептуальное содержание неязыкового свойства в виде суждения о мире» [Болдырев 2000: 48].

Морфологический уровень языка ориентирован на представление языкового знания в том понимании, которое было сформулировано нами выше. В этом случае речь идет о таком способе языковой репрезентации, как морфологическая репрезентация. Процесс морфологической репрезентации достаточно сложен, так как в нем задействованы языковой и концептуальный уровень в их неоднозначном соотношении. Концептуальный уровень представлен морфологически передаваемыми концептами, которые создают когнитивную основу морфологической репрезентации. На языковом уровне задействованы морфологические категории и формы, которые репрезентируют определенные единицы знания, основанные на языковых знаниях и знаниях о том, как язык отражает мир, и выступают в качестве языковых механизмов морфологической репрезентации.

Морфологически передаваемый концепт – это единица знания о представлении мира в языке, т. е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического (подр. см. [Беседина 2006]). Данное определение указывает на то, что морфологически передаваемые концепты – это классификационные концепты, формируемые нашим сознанием с помощью языка на базе концептов, наиболее значимых в концептуальной системе (например, ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, ОТНОШЕНИЕ и др.), которые условно могут быть названы основными по отношению к морфологически передаваемым концептам. Когнитивным механизмом формирования морфологически передаваемых концептов является абстрагирование. В результате абстрагирования в содержании основных концептов, включающем в себя всю сумму знаний (энциклопедических и языковых) о количестве, времени, количественных, временных отношениях и т. д., выделяются наиболее существенные характеристики и, тем самым, кодируются наиболее важные для языка смыслы, которые и ложатся в основу морфологически передаваемых концептов ВРЕМЯ, ЧИСЛО, ПАДЕЖ и др. (схема 1), на базе которых формируются соответствующие морфологические категории как концептуальное объединение форм. Морфологические категории основаны, таким образом, на языковом знании.

Содержание морфологически передаваемого концепта вследствие этого включает основополагающие стабильные элементы смысла, которые кодируются с помощью морфологических показателей. Характеристики, составляющие содержание этих ментальных единиц, имеют максимально обобщенный и абстрактный характер. Поэтому в процес-

се их активизации под влиянием соответствующих морфологических форм возникают такие же обобщенные собственно морфологические смыслы, требующие дальнейшего уточнения и конкретизации на уровне предложения-высказывания. Это происходит при участии дополнительных лингвистических факторов: семантического (семантика соответствующих языковых единиц), синтаксического (структура предложения-высказывания) и контекстуального (ближайший лингвистический контекст, т. е. контекст предложения-высказывания). Необходимость их привлечения связана с тем, что процесс формирования смысла в целом – это всегда полифакторный и интегративный процесс, что убедительно обосновано и показано на примере функциональной категоризации глагола в рамках функционально-семиологического подхода Н. Н. Болдыревым (см. [Болдырев 1995]).

При участии выделенных факторов в содержании основного концепта, активизируемого одновременно с морфологически передаваемым концептом, дополнительно профилируются те или иные характеристики, которые в сочетании с характеристиками морфологически передаваемого концепта обеспечивают конфигурирование концептуального содержания и формирование широкого спектра конкретных лексико-грамматических смыслов (формирование смысла в процессе морфологической репрезентации представлено на схеме 2).

Таким образом, с помощью морфологических категорий и форм осуществляется категориальное структурирование знаний о мире, что и составляет сущность морфологической репрезентации. Сказанное позволяет одновременно сделать вывод о специфике морфологически передаваемого концепта, которая состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается только через взаимодействие морфологической формы с другими лингвистическими факторами в процессе морфологической репрезентации. Тем самым, речь идет о двух основных принципах морфологической репрезентации: интегративности и полифакторности. Принцип интегративности предполагает взаимодействие разных уровней языковой системы при формировании конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов в процессе морфологической репрезентации. Реализация этих смыслов осуществляется под влиянием семантического, синтаксического и контекстуального факторов, которые в той или иной степени конкретизируют собственно морфологические смыслы и обнаруживают определенную взаимодополняемость, что позволяет рассматривать морфологическую репрезентацию и как полифакторный процесс.

Схема 1

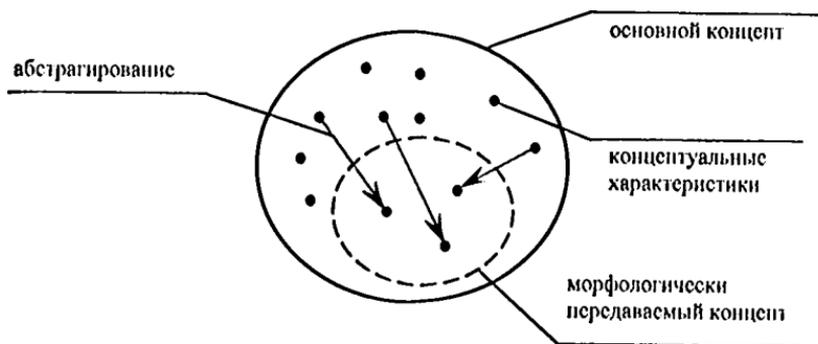
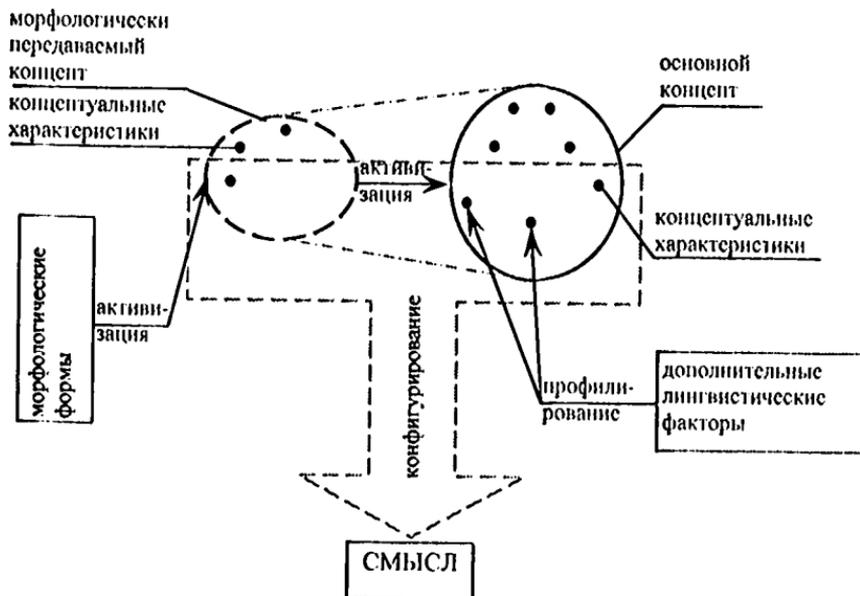

Схема 2

Выявление принципов и механизмов морфологической репрезентации позволяет показать функции языка в организации знаний о мире и подтвердить одно из положений когнитивной лингвистики о том, что единицы языка в своей основе имеют определенные знания. Рассмотрение морфологических категорий и форм с точки зрения их роли в репрезентации языкового знания позволяет говорить о том, что мы имеем дело с особым феноменом, задействованным в речемыслительной деятельности. С одной стороны, они связаны с познавательными процессами и формирующимися в их результате единицами знания, а с другой – эти языковые единицы существуют для дальнейшего участия в актах коммуникации.

Список литературы

- Бабина Л. В. Вторичная репрезентация концептов в языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2003. 341 с.
- Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: Монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. 389 с.
- Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 445 с.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000. 123 с.
- Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж, 2002. С. 103-114.
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
- Болдырев Н. Н., Куликов В. Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 3-13.
- Гаврилова Е. Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 17 с.
- Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999. 382 с.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. М., 2005. 543 с.
- Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВГИИ, 2004. 352 с.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002. 220 с.
- Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 4-38.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Павиленис Р. И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Перезовова Ю. Е. Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.

Позднякова Е. М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 318 с.

Полюжин М. М. Диахронно-семантический аспект префиксального словообразования в английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М.; Ужгород, 1993. 416 с.

Серова И. Г. Гендер как фактор когниции и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 65-74.

Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 1-7.

Фрумкина Р. М., Звонкин А. К., Ларичев О. И., Касевич В. Б. Представление знаний как проблема // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 85-101.

Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 36 с.

Чернявская В. Е. Научное знание: когнитивное vs социальное (к вопросу о критериях оценки научного результата) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 15-20.

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, M. A.: The MIT Press, 1984. 283 p.

Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; N. Y., 1990. 383 p.